

| БОЛЬШОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ |

ПУТЬ К ОКЕАНУ

Текст

Виктор Пипа

ФОТО SHUTTERSTOCK / JULIYA SHANGAREY

Датская писательница Карен Бликсен, по книге которой снят оscarоносный фильм «Из Африки», говорила, что если вы хотите узнать Кению, надо проехать хотя бы полстраны.

Следуя ее совету, наш корреспондент построил свой маршрут по ее стопам, от Найроби до Момбасы

Дома в трущобах строят из всего, что удастся раздобыть. Каменные стены – роскошь

Художники местного проекта Art 360 рисуют в трущобах фреску, повышающую осведомленность о психическом здоровье и глобальных изменениях климата

ФОТО: JONAS WITTO / UTB, RIDERS. RU / FRANCESCO ZIZOLA, GORDWIN ODHAMBO. RU / AFP / ESAT NEWS

Здесь воду ценят настолько, что столица называется Эвасао-Найроби – «холодная вода». Здесь практически нет общественного транспорта. При этом Кения, получившая независимость всего 60 лет назад, сегодня стала одной из наиболее динамично развивающихся стран Африки. Невозможно узнать эту страну всего за одну неделю, однако попытка не пытка: я решил не только последовать совету Карен Бликсен и пересечь полстраны, но и буквально проложил маршрут по стопам ее путешествия «из Африки». Расстояние из центра Кении до побережья Индийского океана составляет примерно 500 километров. На автобусе это занимает восемь часов, по прямой, на поезде – пять. Мой путь занял восемь дней.

НАЙРОБИ

На перелет Москва-Дубаи и Дубаи-Найроби ушло всего часов 13. Ранним декабрьским утром я ступил на землю Африки, и, бросив вещи в гостинице, сразу же отправился в «слам» (так здесь называют трущобы).

Турфирмы советуют обходить такие места стороной. Бывали случаи, когда туристы, которых заманили в сламы «серые экскурсоводы», возвращались из них раздетые, без денег, а особо дерзкие – и со сломанными ребрами. Поэтому через водителя такси я нашел себе охранника и гида из местных. Они гарантировали безопасность, потому что частью моего гонорара делились с «крышующими» район.

Трущобы Найроби – это сотни гектаров, где проживают больше миллиона нищих. Большинство из них безработные и неграмотные. Жилища их построены из глины, фанеры, битого шифера и ржавой жести. Спят в трущобах на полу. А у кого его нет, закапывают раскаленные угли и, свернувшись калачиком, спят на нагретой ими земле.

Особняком в сламе стоят большие шалаши – в них живут «бывшие жены». В Кении сохранилась племенная традиция – «угостить дорогого гостя женой». Естественно, никто при этом не предохраняется. Если после такого «угощения» жена заболевает СПИДом, муж нередко выгоняет её из дома. Такие женщины собираются в группы, строят большие шалаши. Вместе проще заработать на еду и лекарства.

У одного шалаша танцевали и пели. Проплутав по лабиринтам «улиц», мы побывали на нескольких стихийных праздниках.

– У вас какой-то традиционный праздник? – спросил я охранника.

– Нет. – качнул головой тот в ответ.

– А чему тогда они все радуются? С их-то тяжелой жизнью.

– Всё просто: они не знают, доживут ли до завтра. Поэтому каждый день живут как последний.

КИТЕНГЕЛЕ

Этот маленький городок в провинции Рифт-Валли находится в 26 километрах на юг от Найроби и в 163 км от экватора. Чтобы ощутить настоящий колорит, администратор гостиницы посоветовал мне ехать на маршрутке – «матату». Государственного транспорта в Кении нет. Валедельцы микроавтобусов – частные лица. Каждый владелец старается, чтобы его матату было как можно ярче и привлекательнее: одна машина разрисована героями американских комиксов и мультфильмов (особенно много машин с Тимоном и Пумбой), на другой – символы адинкра, традиционные узоры группы народов ашанти, на третьей – портрет Боба Марли и танцующие растаманы.

С порогов маршруток свисают зазывалы. В каждом таком авто установлен сабвуфер, из которого долбит регги. Перекричать эту какофонию просто, поэтому голоса у зазывал надорванные и хриплые. С трудом разбирая замес из английского и суахили, я наконец-то нашел матату в Китенгеле.

Из пола маршрутки торчали рваные куски железа. Сидения искорежены. На одной стене нарисован Иисус, на другой – плакат с немецкой порноактрисой топless. Рядом со мной сидела упитанная домохозяйка с авоськой, забитой пластиковыми бутылками, и с петухом под мышкой. Сидеть ей было неудобно, но женщина старалась соблюдать приличную дистанцию. «Двигайтесь», – предложил я ей и улыбнулся. Женщина покачала головой: «Я не хочет стеснять «мзунгу бвана» (то есть «белого господина»)». Зазывала затолкнул в маршрутку

ОСОБНЯКОМ В СЛАМАХ
СТОЯТ БОЛЬШИЕ ШАЛАШИ –
В НИХ ЖИВУТ
«БЫВШИЕ ЖЕНЫ»

В Найроби работают три автобусные компании: традиционная Келуа Bus Service (KBS) и два новых частных оператора. Автобусы KBS можно отличить по голубому цвету

последних желающих, свистнул водителю, повис на поручне, и мы поехали.

Через час мы были в Китенгеле. Еще в Москве я списался с владельцем гостиницы, и он пообещал водителю, который отвезет меня к жирафам.

В Кении нет зоопарков. Животными любят-ся либо на сафари, либо как я, – в одном из «Жирафовых центров». Кроме жирафов, туда приходят бородавочники, зебры, антилопы и другие обитатели саванны. Предъявив входной билет, посетитель получает ведро с едой, и можно кормить животных с рук.

Но к назначенному времени водитель не пришел. Конечно, в Африке полчаса опозданием не

**ПОЛЧАСА ОПОЗДАНИЕМ
В АФРИКЕ НЕ СЧИТАЮТСЯ.
НО И ЧЕРЕЗ ЧАС НИКТО ТАК
И НЕ ПОЯВИЛСЯ**

считаются, но и через час никто не появился. Позвонить ему администратор не мог: водитель жил в трущобах, и денег на покупку телефона у него не было. Другого водителя предложить мне тоже не могли: «Он единственный, у кого здесь есть права».

Водитель опоздал на полтора часа. Невозможно выслушав гневную тираду администратора, виновник повернулся ко мне и, улыбнувшись, изрек: «Зато я живой». Ну что тут возразишь?

МАЧАКОС

На следующий день я направился в довольно большой по африканским меркам город Мачакос. В матату ко мне подседа девушка с яркими дредами. Глядя на меня, она смешно постукивала себя по голове. Этот жест я видел уже не первый раз. В Кении белый человек всегда вызывает интерес, поэтому мы легко разговорились.

«Я – Шерон, мне восемнадцать и я учусь на журналистку в местном колледже» – представилась сходу девушка.

Мы проболтали всю дорогу: сравнивали наши страны, искали, что в них общего. Но когда заговорили о еде, Шерон замолчала, а потом и вовсе попросила сменить тему и призналась, что вторую неделю в ее доме на завтрак лишь мамы (жаренные в масле хлебные шарики) и вода. Родители экономят на всем, лишь бы ежедневно оплачивать ей матату в город на учебу и обратно – 34 километра в одну сторону.

Я рискнул спросить Шерон, что значит ее жест – почему она постукивает по голове. Смущенно рассмеявшись, она рассказала: «У большинства наших женщин короткие и ломкие волосы. Поэтому в супермаркете продаются упаковки с натуральными локонами для богатых и искусственными – для тех, кто победнее. Я копила себе на волосы много месяцев. Парикмахер за несколько часов вплетает эти локоны в родные волосы. Чтобы не разрушать прическу, мою голову раз в полтора – два месяца. У нас жарко, голова чешется. Но чесаться на людях неприлично. Можно только незаметно постучать».

Действительно, такого количества разнообразных причесок, как у кениек, я больше не встречал нигде: дреды, пальмы, ирокезы, осьминоги, бесчисленные виды косичек и узлов убанту – кажется, за все свое путешествие по Кении, я не встретил ни одной повторяющейся прически.

Мы с Шерон выходили на конечной, и я решил угостить ее кофе в каком-нибудь приличном кафе.

Уличный парикмахерский салон в трущобах Кибера, где девушкам заплетают волосы

Самый распространенный транспорт в трущобах – тележки. Возят их как мужчины, так и женщины.

– Может, сюда? – осторожно указала Шерон на KFC. – Если можно...

– Фастфуд?! Ну, о'кей.

Через несколько минут я принес кусочки курицы, картошку фри и капучино. Шерон посмотрела на меня, затем – на еду и расплакалась:

– Это ведь очень дорого.

– Да нет, у вас гораздо дешевле, чем у нас в России.

– Я мечтала попасть сюда с детства. Все мои подруги мечтают об этом. А я попала сюда первой!

Распрощавшись с Шерон, я отправился бродить по Мачакос. На улицах то и дело мелькали припаркованные машины с надписью «Чистая вода». В стране, где половина населения живет на 15 дол-

ларов в месяц, купить бутылку воды в магазине для многих слишком дорого. Для таких бедолаг и существуют цистерны. Всего за несколько шиллингов продавец наливает воду в ту тару, что приносят люди – пол-литровые бутылочки.

Заглядевшись на очередь желающих попить, я краем глаза заметил увязавшихся за мной трех подростков и вспомнил рассказ Шерон, как местные избил туриста из Германии за то, что он оказался на их территории, не оплатив «пошлину за вход».

Подростки тихо о чем-то переговаривались и не отставали. Я резко повернулся к ним:

– Что вам нужно? – спросил я самого старшего на вид.

Тот, словно опасаясь, сделал шаг назад. Несколько секунд троица молча смотрела на меня исподлобья. Наконец, самый низкий из них осторожно указал на торчащую из моего рюкзака начатую бутылку:

– У белого господина есть вода. Он может попить ее?

Я молча посмотрел на него, затем на остальных – угрозы в их взглядах не было, только дет-

**ЧТОБЫ НЕ РАЗРУШАТЬ
ПРИЧЕСКУ И НЕ ТРАТИТЬ
ВОДУ, ГОЛОВУ МОЮТ РАЗ
В ПОЛТОРА-ДВА МЕСЯЦА**

ская растерянность. Я протянул низкому бутылку, но он передал ее тому, что повыше. Тот отпил примерно треть и передал бутылку товарищам. Пока те делили и допивали воду, старший сделал шаг, и уже без малейшего опасения, протянул мне руку:

– Ты суперчеловек.

Я улыбнулся и ответил рукопожатием:

– Мог бы просто сказать «спасибо».

Парень хитро улыбнулся и кивнул на стоящую неподалеку машину «Clean water»:

– Если купишь еще бутылку, скажу.

Я купил по бутылке каждому, и мне три раза сказали спасибо.

Под вечер я спешил в гостиницу. День был жарким, и мне хотелось помыться. Но гостиничный душ оказался закрытым. Владелец гостиницы встретил меня в дверях:

«Вы моетесь дважды в день, – сказал он строго, – а у нас принято раз в неделю».

Поторговавшись, я добился разрешения помыться перед отъездом на следующее утро. Но при условии, что я буду пользоваться уличным, а не квартирным туалетом. Чтобы сэкономить на сливе.

НУНГУНИ

Мне хотелось увидеть настоящую африканскую деревню. К моему удивлению, в отличии от городских трущоб, в селении царил чистота и порядок. Мужчины работали во дворах и на огородах, дети пасли коров, а женщины носили воду в канистрах из протекающей неподалеку речушки. После Макаоса – просто рай.

Управляет селением крепкий мужчина.

«Вторник» – сказал он и протянул мне руку.

В ответ на мое удивление мужчина поведал, что он приехал из Того. На его родине детей принято называть днем, в который они родились. В подтверждение своих слов Вторник познакомил меня со своим сыном – Понедельником.

Местные Вторника уважают – он организовал в Нунгуни фермерское хозяйство. Дело в том, что в Кении большинство мужчин не хотят работать и переключаются все на плечи женщин. В отличии от родины Вторника – Того, где детей воспитывают строго и не позволяют им лениться.

Днем, когда палящее солнце поднялось высоко, Вторник и односельчане собрались под деревьями за длинным деревянным столом, на который поставили «видеодвойку» и включили кино. Каждую неделю Вторник привозит из столицы новые кассеты

Простой леденец на палочке – для многих кенийских детей экзотическое лакомство

и устраивает просмотры фильмов. В основном это кино двадцатилетней давности.

Возвращаясь под вечер на трассу, я заметил на окраине Нунгуни мальчишку лет десяти. Рядом с ним валялся грязный матрас. Он сидел на кочке и любовался закатом. Ноги его были неестественно вывернуты, словно после неудачно сросшегося двойного перелома. Видимо, поэтому перемещался парнишка на руках. Весело улыбувшись мне, он шустро метнулся в мою сторону. Я протянул ему большую сосательную конфету – рождественскую палочку. Паренек взял конфету и сдержанно поблагодарил. Я повернулся и зашагал прочь:

– А это что? – крикнул мне в спину мальчишка.

– Конфета, – ответил я, сомневаясь, правильно ли понял его вопрос.

– А для чего она?

– Ты что, никогда не ел конфет?

Парнишка замотал головой.

Я размотал конфету:

– Так, держи. Теперь лизни ее.

Мальчик осторожно лизнул конфету, потому еще и еще раз и просиял:

– Ого, она такая вкусная! Спасибо, мзунгу бвана.

15 тонн слоновой кости, изъятой в Национальном парке, сожжены президентом Кении Ухуру Кеньятой. Ежегодно браконьеры убивают около 30 000 слонов

Автор среди своих новых знакомых

Вечером в гостинице я удалил в телефоне номера вечно ноющих знакомых.

ЭМАЛИ

В эмали живут представители народов камаи и масаи. Масаи – одни из лучших животноводов Африки, камаи – земледельцы. Они выращивают фрукты и овощи. В местной почве много железа, – у нее даже цвет красный – и считается, что здесь растет лучшая папайя в мире. Я отправился на рынок. Взвешивала плоды молодая торговка. Она внимательно посмотрела на меня и спросила:

- Откуда?
- Из России.
- Слушай, в Кении сложно. Забери меня с собой. Я буду хорошей женой.
- Но у меня уже есть жена.
- Ну и что? Будет две. Мне всего 28.
- Я чуть улыбнулся, но девушка не отступала.
- Дай мне ее номер, я с ней договорюсь.
- Что-то мне подсказывает, что она тебя не поймет. У нас в этом смысле все женщины жадные.
- Пф! Я думала, что Россия – современная, а вы такие дикие.

Уже потом я узнал, что традиция многоженства поддерживается у многих народностей Кении. Исключение – несколько племен на севере страны, где из-за нехватки женщин им разрешается иметь до трех мужей. Жениться здесь непросто, а для того, чтобы развестись, достаточно выбросить вещи супруга за порог и два раза прокричать что-то типа: «Не жена ты мне более!». Или, наоборот, «не муж».

ВОИ

Этот город находится на границе саванны в национальном парке Цаво. В этом месте до сих пор живут кочующие племена, которым на государственном уровне разрешается убивать слонов. Иначе аборигенам не выжить. Туши гигантского животного им хватает примерно на месяц, и чаще они не охотятся. Но с приходом сюда азиатского бизнеса резко увеличился спрос на слоновую кость. Сотни браконьеров ринулись на просторы саванны. В среднем на африканском континенте убивают девяносто шесть слонов ежедневно. Как следствие, популяция этих животных уменьшилась в одиннадцать раз. Самое плачевное состояние – в Эфиопии. До недавнего времени и в Кении было не лучше. Но с приходом

нового президента ситуация кардинально изменилась. По его указу были созданы отряды рейнджеров. Для начала они конфисковали у браконьеров сотни бивней и сожгли их на въезде в национальный парк перед объективами телекамер. Но это не повлияло на браконьеров, и они продолжали охотиться. Тогда по распоряжению президента рейнджеры получили «лицензию на отстрел браконьеров». Теперь по национальным паркам курсируют небольшие отряды, и если встречают браконьеров, открывают огонь на поражение. Постепенно популяция слонов начала возрождаться.

МОМБАСА

Мне казалось, что на берегу Индийского океана, я встречу туристическую жемчужину с европейскими постройками колониального периода. Но в действительности меня ждал запущенный портовый город. Беспорядочная застройка, свалки, грязь, проститутки и лица криминальной наружности – о «жемчужине» можно было забыть. Даже вид на океан, открывающийся меж облупленных домов, не спасал: океан здесь грязный. Жестяные «бивни», имитирующие арку над центральной улицей города, да останки оборонительного форта – вот и все достопримечательности.

Европейца здесь уважают и даже боятся на каком-то подсознательном уровне. Но если появиться возможность заполучить деньги или вещи господина, его не преминут обчистить – снимут и одежду, и обувь. Впрочем, примерно так же относятся и к богатым местным. Считается, что если человек разбогател, значит, он занимался чем-то нехорошим. Найти жертву – не проблема: состоятельные люди всячески демонстрируют свое богатство. Если по улице едет дорогое авто, не заметить его не получится – оно непременно какого-то ядовитого цвета, стекла опущены, водитель в ярко-розовой или желтой одежде, с золотыми часами, браслетом и цепями. Ничего зазорного нет в том, чтобы обокрасть такого пижона.

Особенно пользуются спросом автомобильные колеса и рули. Чтобы обезопасить свое авто, владельцы нанимают воинов-масаи: ради такой работы те специально приходят из саванны. На стоянке перед молотом я наблюдал забавную картину: рядом со спорткаром и джипом стояли охранники – в набедренных повязках и с копьем в руке.

Впрочем, все украденное можно найти и выкупить обратно на главном продуктовом рынке Мом-

РЕСПУБЛИКА КЕНИЯ

Площадь 50,6 км²

Население 1,4 млн чел.

Расстояние от Москвы до Катманду 4 886 км

басы. Среди сложенных пирамидкой помидоров и манго можно увидеть руль от японского внедорожника или итальянский ботинок. Один. Видимо, второй украсть не получилось.

Выйдя с рынка, я поспешил в гостиницу – пора было собираться в аэропорт. По дороге мой взгляд упал на витрину магазина медицинских приборов. Там, среди упаковок со шприцами и скальпелями, стояла бутылка сухого красного. Видимо, как средство для анестезии. С плаката смотрела женщина-мурси в деловом костюме с вставленной в губу тарелочкой. Разминувшись на тротуаре с коровой, я уточнил маршрут матагу у зазывалы и заскочил внутрь. 🌐

В ПОДТВЕРЖДЕНИЕ СЛОВ
ВТОРНИК ПОЗНАКОМИЛ
МЕНЯ СО СВОИМ СЫНОМ –
ПОНЕДЕЛЬНИКОМ